

1993 №5

на сцене и за кулисами
на сцене и за кулисами
на сцене и за кулисами
на сцене и за кулисами
на сцене и за кулисами
на сцене и за кулисами

А

С У А Ъ Б А

(Высоцкий в роли Маяковского)

Среди поэтических предшественников Владимира Высоцкого сегодня редко называют Маяковского. Оно и понятно: Высоцкий для многих стал олицетворением борьбы против тоталитарного советского режима, а Маяковский для них — его выразитель и певец. Что поделать, время такое: сталкивать с пьедесталов одних героев и водружать других.

...В 1966 году Высоцкий написал шуточную песенку о сентиментальном боксере, вдруг не пожелавшем бить по лицу своего соперника, изобразив эту нелепую ситуацию:

И думал Буткеев, мне челюсть кроша,
Что «жить хорошо и жизнь хороша»!
— он слегка подтрунивал как над мыслью о непротвлении злу насилием, так и над известными словами Маяковского.

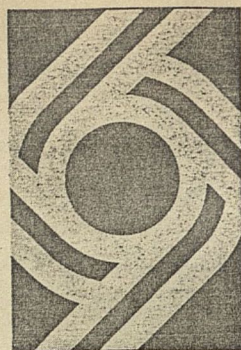
В раннем варианте песни Высоцкий усиливал комический эффект, посреди песни отсылая слушателей к персоналичку строгим голосом комментатора: «Владимир Маяковский. Поэма «Хорошо!». И зал хохотал и аплодировал.

Над чем смеялся Высоцкий в этой песне! Над евангельским заветом! Над Маяковским! Нет. Он просто напоминал о том, что всему должно быть свое время и место. По сути, в этой песне Высоцкий восставал против официальной пропаганды, от которой, в частности, так пострадало творчество Маяковского.

В 1967 ГОДУ в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Послушайте!», посвященного Маяковскому. Рассказывая об этой постановке, Высоцкий сетовал на то, как однобоко подается Маяковский в школьной программе — «ведь он был разный!» Режиссер Юрий Любимов и ставил перед собой задачу — показать Маяковского в воплощении пяти совершенно разных актеров: В.Золотухина, В.Насонова, В.Смехова, Б.Хмельницкого и В.Высоцкого. Вот что вспоминает об этом спектакле Вениамин Смехов:

«...Владимир Высоцкий не просто отлично читал Маяковского, играл от имени Маяковского — он... проделал жизнь образа, из необходимости бороться сегодня с такими же, кто отравлял поэтам жизнь вчера... Володя играл храброго, иногда грубоватого, очень жесткого и спортивно готового к атаке поэта-интеллигента... Премьера «Послушайте!» совпала с началом этих сложных событий. И сердечных, и авторских, и — сходных с борьбой его персонажа... Я слышу его прощальное звание к одуревшей толпе мещан: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают, значит это...» И вдруг Володя обрывает крик и мрачно исповедуется: «...но я себя смирял, становясь на горло собственной песне». Кто мог знать, что через двадцать лет случится повод порадоваться на тему: вот уж чего не было, того не было! Собственная песня по собственной воле ни разу не изменила себе. Кто знает — может быть, пригодились опыт старшего коллеги, так хорошо сыгранного актером-поэтом! Говорят, спектакль «Послушайте!» видела сама Лилия Брик и нашла Высоцкого очень похожим на молодого Маяковского. А не так давно легендарный спектакль был возобновлен Николаем Губенко. Но, как писал известный критик Константин Руд-

Говорят, спектакль «Послушайте!» видела сама Лилия Брик и нашла Высоцкого очень похожим на молодого Маяковского.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

О фатальных датах и цифрах

Мои друзьям-поэтам

Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт,
А если в точный срок — так в полной мере:
На цифре 26 один шагнул под пистолет,
Другой же — в петлю слазил в «Англетере».

А в тридцать три Христу... (Он был поэт, он говорил:
«Да не убий!» Убьешь — везде найду, мол.)
Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель.
Вот и сейчас — как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или — или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо,
А нынешние — как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или — перенесена,
А в 33 распяли, но — не сильно,
А в 37 не кровь — да что там кровь! — и седина
Испачкала виски не так обильно.

«Слабо стреляться?!» В пятки, мол, давно ушла душа!
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа —
И режут в кровь свои босые души!

На слово «длинношее» в конце пришлось три «е», —
Укоротить поэта! — вывод ясен,
И нож в него — но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен!

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился — и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!

Да, правда, шея длинная — приманка для петли,
А грудь — мишень для стрел, но не спешите:
Ушедшие не датами бессмертье обрели —
Так что живых не очень торопите!

Михаил НОДЕЛЬ

Фото из фондов Государственного культурного центра-музея В.С.Высоцкого

ЗВУКОВЫЕ МЕМУАРЫ

Рита Яковлевна РАЙТ-КОВАЛЕВА
(1898—1988), переводчик

Беседа состоялась в феврале 1973 года

— Маршак всегда говорил, а до него еще кто-то, что у каждого человека есть постоянный возраст. Иногда он рождается в том своем возрасте. Я, действительно, сама видела девочек 6—7 лет — это были уже 45-летние склочницы из коммунальной квартиры. И я видела недавно человека, он президент Ученой Академии в Нью-Йорке, которому 6 лет — по его высказываниям, его отношению к миру, его пониманию мира. Маяковский был очень мальчишка, «очень гимназист», как Лилия говорила. Мне казалось, что постоянный возраст Владимира Владимировича где-то между 16 и 18 годами. У него было очень много, действительно, какого-то мальчишеского, веселого, в особенности, когда он попадал в веселую компанию. Бывало, он приезжал в Ленинград, и я помню, как мы с мейерхольдовцами ходили по кафе, гуляли. Я ведь познакомилась с ним в 1920 году, когда ему было уже 27 лет, он был человек взрослый, и вместе с тем в нем сидел вот этот мальчишка, как Лилия говорила, «этот вынь-да-положи». «Вынь и положи».

Я не говорю о последнем времени. В последний раз, когда он приезжал в Ленинград, он был грустный какой-то, у него был затяжной страстный грипп. Он больной, страшно расстроенный ходил, по-моему, в «Европейской» гостинице и говорил мне: «Ритка, пропадая. По-моему, у меня рак горла». Я говорю: «Ну, Володя, что за глупости? Какой рак горла!» Это все предшествовало выстрелу 14 апреля. Потом, когда я ехала в вагоне из Ленинграда на его похороны, я всю ночь не спала и все думала о том, какой же был Володя последние годы грустный.

— Почему?
— Господи! Тысячи причин были! Тридцатый год все-таки. Ведь он был гениальнейший поэт, сверхгениальный, великий прозорливец, который интуитивно почувствовал многое то, что надвигалось.

МАРКОВ Павел Александрович
(1897—1980), театровед, режиссер

(Премьера — 16 марта 1930 г.)

Спектакль «Баня», как вам известно, провалился, и было очень тягостное настроение. И вот тут произошло для меня нечто неожиданное. Хотя отношения у нас с Маяковским были хорошие, но какой-то особой близости между нами не существовало. Я приехал на его выставку, где не было никого из представителей театрально-литературной общественности. И Маяковский, я помню, мне сказал: «Вот видите, Вы приехали, а писатели не пришли». Поэтому мне было совершенно удивительно, когда в антракте «Бани». — (Прим. ред.) он вдруг остановил меня и сказал: «Вот я смотрю на Вас и вижу: Вы смеетесь кое-где. А смотрю я на Николая Дмитриевича Волкова в ложе — он даже ни разу не улыбнулся. Послушайте, поедом ко мне после спектакля». Я отказался, сказал, что не один, я должен проводить Степанову. — «Пусть и она едет». Я всячески отнекивался. И когда мы выходили, у подъезда стоял Маяковский и сказал: «Ну поедом же ко мне». Мне было совершенно непонятно, почему Маяковский один и зовет меня ехать. И мы решили все-таки поехать. Мы предупредили Горчакова, что едем к Маяковскому, оставили в уборной Янишина записку: «Баня» провалилась. Приезжайте немедленно в Гендриков переулок, а когда приехали туда, застали Маяковского одного, в чрезвычайно подавленном настроении. И более мрачного разговора, чем он вел, трудно себе представить. Он говорил, что у него нету друзей. И тут я понял, что вступление в РАПП лишило его друзей прежних и не дало ему друзей новых. Потому что трудно себе представить, чтобы в прежнее время Маяковский после премьеры, в особенности провалившейся, был бы вообще брошен и сидел бы один, и ему понадобился бы в конце концов отнюдь не близкий, такой человек как я. Я его спросил: «Вот Вы говорите, у Вас нету друзей. А Брики?» Они в это время были в Париже. Он сказал: «А Вы думаете, они

вернутся?» Я, честно говоря, не понял [что это значило], потому что до этого всегда была Лилия Юрьевна, был Осип Максимович, всегда был такой домашний уют, ощущение от дома Маяковского. Уже наступил и час, и второй, и третий, а Янишин и Полонская все не ехали. Маяковский вдруг мне говорит: «Вы знаете, Норочка... Норочка... Как она входит в комнату, все становится светло». И как только они приехали, то настроение Маяковского моментально изменилось. Моментально. Он не показал никакой обиды на их отсутствие, [он сразу] стал радостен. Одно присутствие Норы как-то изменило все его самочувствие. И разбегались мы в чудном настроении. Они меня провожали до дому — я жил тогда у Красных ворот — часов в 5—6 утра, вероятно. Мы тогда не разбирались времени. Последнее, что я видел: Нора танцевала мазурку на дворе с Маяковским. Больше я его не видел.

И потом в «Европейской» (гостиница в Ленинграде. — Прим. ред.) Николай Робертович (Эрдман) не то 12 апреля, не то 13 должен был читать своего «Самоубийцу» актерам Художественного театра. И когда мы вошли в номер, Николай Эрдман мне сказал: «А ты знаешь, кто в этом номере прежде жил?» «Кто?» — «Маяковский». И он начал читать: «Самоубийцу».

И когда 14 апреля утром приехали в Москву, то встречавший нас на вокзале Евгений Васильевич Калужский * сообщил нам, что Маяковский покончил жизнь самоубийством. Я абсолютно в это не поверил. А он добавил: «Но самое страшное, что в это время там у него была Норочка Полонская». Я сразу поехал в театр. Застал совершенно убитого Янишина. [А Норочка приехала на репетицию и репетировала. И по ходу действия раздался выстрел — с ней случилась истерика.] И в это время вошел Михайловский Федор Николаевич и сказал, что Веронику Витальдовну Полонскую требуют на следствие. Так что все это приобретало совершенно гротескный страшный характер.

* Е. В. Калужский — зав. группой Художественного театра.